

Отзыв официального оппонента
доктора философских наук, доцента Кириленко Елены Ивановны
на диссертацию Корниенко Михаила Анатольевича
«Слово и молчание как раскрытие опыта»,
представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук
по специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания

Помимо, собственно, интереса автора к данной тематике, актуальность работы в значительной мере определяется ситуацией лингвистического поворота в философии, гуманитарных науках в целом, когда обсуждаемые проблемы ставятся и рассматриваются в плоскости языка, а лингвистические тематизации неизбежно присутствуют в исследовательском поле. В современном философском дискурсе не сознание, а язык, изначально обладая качеством интерсубъективности, выступает «медиумом философской проблематики» (В.Куренной).

Исследование заявленной темы методологически значимо. Использование методов анализа языка стало необходимым элементом, без которого не обходится ни одно гуманитарное исследование. В работе собраны, систематизированы, проанализированы, сопоставлены понятия, способные выступить и выступающие инструментом современной философско-лингвистической работы: вербальный опыт как философская категория, авербальность, эксплицитные и имплицитные смыслы, свернутый образ, внутренняя и внешняя речь, негативная текстуальность, молчание как невербальная внедискурсивная форма опыта, экзистенциальный опыт молчания, внутренняя форма молчания, молчание как предел языка.

Исследуемая проблема раскрывает механизм формирования смысла, проблему границы в рефлексивном акте.

Обращает на себя внимание синтетическая направленность исследовательской стратегии: проблематика, характерная для континентальной традиции (внутренняя форма слова и языка, онтология слова, экзистенциальное измерение опыта в слове, историко-философский дискурс о языке), сочетается с подходами аналитической философии.

Вербальный и невербальный опыт выступают в работе как особый способ личностного самовыражения и коммуникации, что задает исследованию антропологический горизонт.

Анализ заявленной темы преодолевает границы академической работы: провокация дискуссий в публичном пространстве предполагает, отмечает автор, наличие способностей не только говорить, но слушать и слышать, что делает необходимым умерить претензии слова, обнаруживая способность «делать паузы в словах» (см. с.102-103).

Отметим солидную историко-философскую эрудицию автора, он даёт линейное (эволюционное) развитие философского опыта (см. периодизацию этапов развития философии языка в первом параграфе 1 главы) в сочетании с фундаментальной проработкой вопросов, предполагающей обращение к опыту мировой историко-философской мысли от Парменида, Платона и Аристотеля, до Бодуэна де Куртене, А.Ф. Лосева, В.А. Подороги, В.В. Бибихина, Л. Витгенштейна, У. Селларса и У. ван О. Куайна.

В целом работа демонстрирует способность автора работать в разных регистрах: детальное, методичное обсуждение семиозиса знака, его структуры, семиотический анализ слова в первой главе, и глубокий философский дискурс о сущем, достигающий (во 2 и 3 главах) «онтологической трагедии» (Ортега-и-Гассет), указывают на то, что апология молчания весома, она отвечает «такому свойству мира, как его неопределимость» (с.103).

Структура работы продумана и логична. Раскрывая смену парадигм в эволюции философии языка, автор определяет методологию исследования, соотнося ее с неклассическим этапом, выявляя в качестве фундаментальной особенности данной стратегии процессуальность в анализе языковых феноменов.

Структурный анализ слова раскрывается как энциклопедия идей, в рамках его семиотического анализа.

Далее предлагается анализ слова с точки зрения центральной в философии языка категории внутренняя форма.

Онтология слова открывается в опыте, его вербальном и невербальном аспектах. В этих же границах анализируется феномен молчания.

В первом параграфе первой главы «Онтология языковой реальности» рассматривается формирование проблемного поля онтологии языка, задается историко-философский контекст поставленной проблемы, определяется исследовательская парадигма.

Анализ области становления проблематики языка сопровождается выявлением связей традиции и современности. Показано, что у Платона идея иерархии знака соотносится с различением абстрактного и конкретного понятия в логико-философской традиции; спор номиналистов и реалистов, конвенциональная модель наименования рассматривается как линия, ведущая к формированию языка науки.

Периодизация развития философии языка, на которую опирается автор, соответствует схеме, предложенной в литературе (см. М. А. Можейко. Язык <http://psylib.org.ua/books/gritz01/jazyk.htm>), но она дополнена привлечением конкретного историко-философского материала (анализируются, например, фрагменты диалога Платона «Кратил»). Уместным было бы расширение круга привлекаемых источников. Скептицизм М. Монтеня, например (главы О суетности слов. Об именах, О ненадежности наших суждений в «Опытах») - иллюстрация к проблематике динамики соотношения слов и вещей (М. Фуко).

Во втором параграфе первой главы слово рассматривается как лексическая единица языка, имеющая природу знака.

В качестве теоретической основы анализа привлекается аппарат Ч. Морриса, Ч. Пирса, Ф. де Соссюра, анализируется семиозис как знаковая ситуация, ее структурные элементы, определяется типология знаков. Систематизация семиотического анализа слова и языка дана на фоне прояснения методологической проблемы, учитывается сложность систематизации. Так, семиотика знака Пирса и семиотика языка Соссюра, выступают подчас, «как противоречащие друг другу» (с.62). В трактровке У. Эко, как показывает автор, открывается возможность выхода к неограниченному семиозису – основанию бытия культуры.

Проблематика параграфа раскрывается в широкой перспективе от этимологии понятия слово у Фасмера и Ушакова до отношения слова

к реальности (концепция эпистемы и ее исторические трансформации у М. Фуко).

Выявляется «особенность слова как лингвистического знака в том, что в слове синкретически объединены понятие и акустический образ» (с.43), обсуждается многоуровневая модель языкового знака.

От анализа слова автор переходит к анализу языка как знаковой системы, отмечая, что систематическая природа языка объясняется наличием определенных правил, а правила, «приводящие знаковую систему в действие, объясняющие знаковую систему, имеют характер метаязыка» (с.46).

Убедительно и аргументировано представлено слово как базисный элемент языковой знаковой системы.

Оригинально рассуждение автора о способах овладения языком с позиций аналитической философии, подкрепленное соображениями, предложенными для этой ситуации аналитиками Томской философской школы В.А. Ладовым и В. А. Суровцевым.

В первом параграфе второй главы «Специфика раскрытия опыта в слове» - центральная в философии языка проблема внутренней формы слова и языка представлена в широком диапазоне философской мысли – от Платона и Плотина до В. Гумбольдта, А. Потебни, П. Флоренского, Г. Шпета, В. Биbihина.

Принцип внутренней формы имеет широкое поле применения в гуманитарном познании. В психологии Д. Узнадзе использовал понятие внутренней формы для своей теории установки. У Г.В.Ф. Гегеля понятию внутренняя форма близка по смыслу идея «имманентной формы», «деятельной формы». У Ю. Степанова эта идея имеет культурологический разворот. Автор диссертации строго выдерживает анализ проблемы в лингвистическом дискурсе, опираясь на идеи В. Гумбольдта, трактующего внутреннюю форму в динамическом ключе; у Н. Хомского в генеративной грамматике внутренняя форма языка выступает как порождающее начало «в цели высказывания, в полноте осуществления высказывания» (с.71).

Принцип внутренней формы в трактовке А. Потебни, («внутренняя форма – ближайшее этимологическое значение слова», это «то, что переводит чувство в мысль») - разворачивается у автора в подробном и убедительном комментарии,

который сопровождается глубоким и ясным анализом предмета, в каком-то отношении образцовым по внятности и содержательности изложения.

Анализируя трактовку проблемы внутренней формы слова у Г. Шпета, автор привлекает дополнительные, вновь опубликованные материалы из наследия философа.

На наш взгляд, можно было бы отметить, что рассуждения П. Флоренского о внутренней динамике, целостном опыте переживания слова, «душе» слова сопоставимы с феноменологией языка у Г. Башляра, получившей развитие в его антропоцентрической лингвистической парадигме. У французского философа, например, «слово *vaste* имеет особую власть». Это «странное прилагательное, ибо оно придает величие впечатлениям, не имеющим между собой ничего общего». Слово *vaste* «ложится на наше дыхание». Это «призыв к спокойствию, миру, ясности» (Башляр Г. Избранное: поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. С. 167, 171).

Во втором параграфе второй главы «Экзистенция опыта в слове» исследуется категория опыт. В отличие от гносеологической трактовки опыта акцентируется его экзистенциальная природа: «Под опытом мы будем, таким образом, понимать экзистенциальное переживание-проживание, замкнутое в своей открытости, через которое жизнь открывает себя» (с.87).

Расширяя сферу систематического анализа – природа духовности, молчание, его оттенки, – автор сохраняет связь с классической традицией, которая допускает возможность рационального обсуждения нерациональных (моральных, религиозных у Канта) аспектов.

В третьей главе «Преодоление слова» исследуются вербальные и невербальные аспекты опыта, их соотношение. Позиция автора ориентирована на апологию молчания.

Автор приводит спектр оснований, фундирующих легитимность феномена молчания – лексико-лингвистическое (закон экономии языковой материи), семиотическое (несовпадение слов и значений), лингвофилософское (мышление шире знаковой системы; доминирующая, основная сфера мышления находится за пределами языковых знаков. Язык не только не единственная, но и не преобладающая форма мышления) см. с. 96.

При этом психофизиологическая проблема, монистически решаемая у некоторых авторов (понятие закреплено в структурах мозга), подвергается автором критике (с.97).

В широком спектре подходов к анализу феномена молчания автор находит свой аспект: молчание представлено как коррелят языка, как приближение к границам возможного опыта.

Эта позиция находит подробное раскрытие и обоснование во втором параграфе третьей главы.

Опыт молчания обосновывается как выход к основаниям бытия через радикальный отказ от вербальности. Молчание активно, тишина пассивна (с.103). Обосновывается целостность, возможность взаимного уравнивания молчания и слова. Молчание раскрывается как пространство свободы и среда жизни человека. Утверждается право на молчание как элемент свободы, возможность эмиграции в молчание. Иерархия слова и молчания раскрывается через понятие степень высказанности.

Проблематика вербальной и невербальной форм опыта получает выход в антропологическую и культурологическую области. В этой связи уместны и содержательны примеры из художественной, религиозной традиции. Тогда оправдано было бы указание на вербальную и невербальную доминанту в разных формах культуры и цивилизационных ареалах (См., например, Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов. М.: Логос, 2001)

Таким образом, расширение историко-философского контекста обсуждаемого сюжета, а также усиление сравнительного историко-культурного акцента – таковы возможные замечания, которые могут быть учтены в дальнейшей работе.

В целом следует признать, что диссертационное исследование проведено на хорошем уровне, выводы достоверны и обоснованны. В работе предложен содержательный многоуровневый анализ природы и специфики отношения слова, молчания, опыта. Диссертация апробирована на большом количестве конференций и полно представлена в научных публикациях, среди которых четыре – в журналах из списка ВАК и две – в журнале, индексируемом в базе Web of Science. Выносимые на защиту положения и научная новизна соответствуют поставленной цели и задачам, а текст диссертации отражает

последовательную работу по их достижению. Автореферат адекватно отражает содержание текста диссертации, основные тезисы которой свидетельствуют о решении важной философской задачи.

На основании сказанного выше считаю, что диссертация Корниенко Михаила Анатольевича «Слово и молчание как раскрытие опыта», соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям согласно пп. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, Корниенко Михаил Анатольевич, заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания.

Официальный оппонент

профессор кафедры философии

с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории

Федерального государственного бюджетного

образовательного учреждения высшего

образования «Сибирский государственный

медицинский университет»

Министерства здравоохранения Российской Федерации,

доктор философских наук

(24.00.01 – Теория и история культуры),

доцент

Елена Ивановна Кириленко

27 апреля 2017 года

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБОУ ВО СибГМУ Минздрава России), 634050, г. Томск, Московский тракт, 2; Тел.: (3822) 533-309; office@ssmu.ru; https://www.ssmu.ru